

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО РАЗОРЕНИЯ

Со времени первых походов на Казань Российское государство вело войну на протяжении 20 лет почти непрерывно. Мобилизации дворянского ополчения следовали одна за другой. Помещики должны были идти в походы «конно, людно и оружно». Служба требовала значительных денежных расходов, и дворяне вынуждены были перестраивать хозяйство. Они заводили барскую запашку и обрабатывали ее руками «страдных» холопов, увеличивали поборы с крестьян. Перемены в

положении крестьян наглядно иллюстрируют новгородские «послушные грамоты». Составленные от имени царя, они обязывали крестьян повиноваться землевладельцам. Ранние грамоты предписывали крестьянам, чтобы они слушали помещика «во всем и доход ему денежный и хлебный и мелкой доход давали по старине, как есте давали прежним помещикам». Со временем «послушные грамоты» приобрели новый вид: «И вы бы все крестьяне... (помещика) слушали, пашню его пахали, где собе учинит, и оброк платили чем вам изоброчит». Некоторые исследователи связывали перемену формулы «послушной грамоты» с введением в Новгороде опричных порядков. В действительности новое положение вещей сложилось до того, как возникла новая формула. Уже со времени казанских походов помещики повсеместно приступили к пересмотру и повышению оброков.

Начавшийся упадок деревни встревожил правительство. Его чиновники многократно проводили в новгородских пятинах «дозоры» и «обыски» и исправно записывали «сказки» населения. В «сказках» крестьяне в один голос жаловались на непосильность и разорительность государевых податей.

В годы боярского правления новгородские крестьяне платили небольшую денежную подать и исполняли всевозможные натуральные повинности в пользу государства. С началом Казанской и особенно Ливонской войны государство многократно повышало денежные поборы с крестьян. Усиление податного гнета и помещичьей эксплуатации ставило мелкое крестьянское производство в крайне неблагоприятные условия. Но не только поборы были причиной той разрухи, которая наступила в стране в 70–80-х годах XVI в. Катастрофа была вызвана грандиозными стихийными бедствиями, опустошавшими страну в течение трех лет подряд. Неблагоприятные погодные условия дважды, в 1568 и 1569 гг., губили урожай. В результате цены на хлеб повысились к началу 1570 г. в 5–10 раз. Голодная смерть косила население городов и деревень. В дни опричного погрома Новгорода голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими, иногда

солили человеческое мясо в бочках. По словам очевидцев, в Твери от голода погибло втрое больше людей, чем от погрома. То же было и в Новгороде.

Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с Запада. К осени 1570 г. мор был отмечен в 28 городах. В Москве эпидемия уносила ежедневно до 600–1000 человеческих жизней. С наступлением осени новгородцы «загребли» и похоронили в братских могилах 10 000 умерших. Эпидемия не щадила отдаленные северные и восточные окраины, захватив Вологду и Устюг. «На Устюзе на посаде, — записал местный летописец, — померло, скажут, 12 000, опроче прихожих, а попов осталось на посаде шесть». Мор продолжался целый год. Власти принимали драконовские меры, чтобы остановить эпидемию. На дорогах были выставлены воинские заставы. Всех, кто пытался выехать из мест, пораженных чумой, хватали и сжигали на больших кострах вместе со всем имуществом, лошадьми и повозками. В городах стража наглухо заколачивала чумные дворы с мертвецами и вполне здоровыми людьми. Все эти меры, однако, оказались малоэффективными.

Трехлетний голод и эпидемия принесли гибель сотням тысяч людей. Бедствие довершили опустошительные вторжения татар. Страна подверглась невиданному разорению. В Шелонской пятине Новгородской земли площадь обрабатываемых земель сократилась более чем вдвое. Некоторые погосты запустели полностью. Явившиеся туда писцы отмечали: «Про земли распросити в том погосте не у кого, потому что попов и детей боярских и крестьян нет». Началось массовое бегство крестьян на необжитые окраины государства.

Прошло два десятилетия с тех пор, как в России была создана приказная система управления. Иван IV принимал участие в ее организации. Он жаловал и приближал образованных и способных приказных людей, служивших ему верой и правдой. Но прошло два десятилетия, и положение изменилось.

Приказы не обеспечивали регулярного поступления в казну налогов. Причиной были не только разорение и недоимки.

Значительную часть собранных денег разворовывали высшие чиновники, дьяки и подьячие.

В письме к Курбскому Грозный сетовал на то, что знатные бояре-правители расхитили драгоценности из сокровищницы его родителей.

Беглый стрелецкий голова (полковник) Тимофей Тетерин с откровенной насмешкой писал боярину Михаилу Морозову, что царь больше не верит знатым боярам, но зато у него есть новые «верники» — доверенные чиновники, дьяки, которые одной половиной собранных денег царя кормят, а другую «себе емят».

Генрих Штаден лучше других иностранцев описал приказную практику: он получил в России поместье, держал корчму, и ему постоянно приходилось сталкиваться со сборщиками налогов и управителями.

Грозный отличил казначея Никиту Фуникова, имя которого как верного слуги упомянул в послании Курбскому. Но Генрих Штаден особо отметил, что казначеи Фуников и Тютин всячески утягивали от простонародья третью деньгу и «хорошо набили свою мошну». Дьяк Иван Булгаков-Коренев сидел в приказе Большого прихода. Сюда стекались доходы из разных городов и уездов. Серебряные деньги поступали и взвешивались так, что одна шестнадцатая веса оказывалась в утечке еще до записи их в ведомость, а при раздаче денег из приказа не хватало уже одной десятой. В других приказах, как свидетельствовал Штаден, «дело шло тем же порядком».

По происхождению приказные люди были разночинцами. Казна не желала тратить большие средства на содержание приказов, а потому платила дьякам небольшие оклады, а подьячим и писцам и вовсе нищенские. Неудивительно, что приказные чиновники спешили использовать полученные должности, чтобы обогатиться.

У дьяка Андрея Щелкалова дед был конским барышником, а отец поначалу был священнослужителем, а потом — дьяком. После многих лет службы Щелкаловы стали обладателями огромных богатств. Царь взыскал с Андрея Щелкалова штраф в

5000 рублей. Не все удельные князья располагали такими деньгами.

За два десятилетия приказная система обросла плотной коростой мздоимства и продажности. Ни одно дело не решалось без посулов и взяток. Вместе с приказами родилась знаменитая московская волокита.

В Поместном приказе, повествует Штаден, сидел дьяк Василий Степанов; он занимался раздачей поместий, половину нужно было у него выкупать, «а кто не имел чо дать, тот ничего не получал». В Разрядном приказе за взятку можно было откупиться от воинской службы. В Разбойном приказе сидел дьяк Григорий Шапкин. В его приказе убийца мог откупиться от наказания и вдобавок оговорить как соучастника богатого купца, чтобы заставить и его раскошелиться. «Так эти великие господа добывали себе деньги».

Даже в Челобитенном приказе, учрежденном для контроля за исполнением законов и восстановлением справедливости, за верку на жалованных царских грамотах можно было получить только за деньги. Приказные любили присказку «рука руку моет».

В каждом приказе были два сторожа. Чтобы войти в приказную избу, надо было заплатить им деньги. У кого не было денег, просили пустить их Христа ради. Таких, отмечает Штаден, пускали в приказ.

Если взятка не удовлетворяла чиновника, он не принимал ее у просителя, и тот «оставался с носом» (подношением), а его дело откладывали на длительный срок.

Подсудимый, признанный виновным, мог добиться пересмотра судебного решения, вызвав противника на поединок. Имея деньги, он нанимал бойца или подкупал бойца противника. Победу в поединке приписывали воле Божьей. Так правый мог стать виноватым.

Штаден дал уничтожающую характеристику главным московским дьякам. И лишь о печатнике Иване Висковатом он не мог сказать ничего дурного, кроме того, что он был человеком гордым и по месяцу держал у себя грамоты, которые надо было скрепить государственной печатью.

Грозный прощал дьякам «худородство», но не прощал казнокрадства и «кривизны суда». Он примерно наказывал проворовавшихся чиновников и взяточников. Рассказывали, будто он велел предать самой мучительной казни — четвертованию — дьяка, взявшего в неправом деле взятку в виде жареного гуся, набитого серебряными монетами.

Показные строгости не помогали изжить лихоимство. Впрочем, в деятельности приказных государь видел худшие грехи, чем взятки и волокита. В глазах самодержца главным пороком новой системы управления было то, что приказы непосредственно подчинялись Боярской думе и служили для нее канцелярией.

В ходе розыска об измене конюшего Федорова были казнены знаменитый дьяк Иван Выродков, казначей Хозяин Тютин, несколько других высших приказных чинов. Грозный перестал видеть в приказных верных слуг и казнил их как пособников заподозренных в измене бояр. Тучи над головой высших приказных чинов стали сгущаться уже в 1568 г., но гром грянул лишь через два года.

Приказная система управления отвечала вновь возникшим историческим условиям. Однако она была очень далека от замысла идеального образца.

Казни приказных свидетельствовали о том, что Грозный перестал питать иллюзии по поводу предназначения и роли нарождавшейся в России бюрократии, принадлежавшей к самой образованной части общества.